

*Глава
четвертая*

ЛЮБОВНИКИ У СЕВЕРНЫХ ВОРОТ

*В Корке, и в долине Маам, и в Барселоне, и в Лондоне,
и в Берхэвене, с марта 1994 по апрель 1999 года*

Он не сомневался, что за квартирой следят. Большую часть времени не спал. То, что они провезли из Малаги, на время избавило город от нервозности. А еще обозлило старых волков. Мы слишком высоко метим. У проклятой лестницы в старом доме на Сент-Люкс-Кросс он поговорил с Каримой по телефону. Скоро новая поставка. Он лежал в постели, а рядом на полу лежали кучи денег. Синтия ворочалась во сне и говорила из дальних пучин страха. Ее худая ляжка была бледная, как воск. Они вломятся в квартиру, убьют его и заберут деньги. Ее забудут до потери сознания или что еще похуже. Чарли Редмонд уже давно залег на дно на западе округа. Морис выглядывал из своего вороньего гнезда над городом, слабый от недосыпа, и дымка, поднимавшаяся зимним утром над рекой, казалась густой и зловещей.

* * *

Когда день разгорелся жалким светом, Морис и Синтия вышли прогуляться. Влюбились они как все — из-за глупостей. Вкус ее черных волос. Поднимавшееся от нее электричество. Даже воздух вокруг нее будоражил. Они гуляли на холоде у берега. Их голоса заговорщицки шептались над голосами реки. Они шли из просыпающегося города по шаткому мосту у Северных ворот — рука об руку. Такой холод, что в воздухе видно лай собак. Парочка казалась беспризорниками у реки. Там мир как будто ненадолго ослабил хватку.

Они верили в неминувемость и предначертанность. Они верили в свою темную путеводную звезду.

Она говорила так, что он осознавал: выхода не будет. Она помогала ему понять, что от себя не убежишь. Она знала, что случится дальше.

* * *

Они решили спрятаться в долине Маам. Он не сомневался, что волки вышли на след. Волки носили куртки на молниях и кроссы от «Филы». В долине Морис и Синтия учились водить. Жить в деревне оказалось смешно и странно. Таяли последние кости зимы, но вечера все равно затягивались, а дороги после дождя становились черными скользкими языками и блестели. Их квартирный хозяин, Джон Джеймс Макганн из Клифдена, одолжил побитый «Форд-Фиеста», за который не платил ни налог, ни страховку. От Макганна пахло сладким алкоголем — шерри. Его глаза затянула полупрозрачная пленка, словно шкурка мотылька. Он ползал и по-рыбьи хлопал губами, будто травмированный потусторонним миром, который открыт только его глазам. Носил вельветовый костюм мармеладного оттенка. Говорил вкрадчиво и медленно жестикулируя. Морис и Джон Джеймс слышали мысли друг друга. Они беседовали о деньгах. Джон Джеймс напоминал какого-то суперстранного гуру. Снятый коттедж находился высоко над Лох-ан-Эйлан. Озеро было черным и жутким. Посреди него странно торчал крошечный озерный остров, словно неуверенный в своем положении в общем порядке вещей. Наверху высились суровые горы Маумтеркс.

С медленными, пустыми, нелюбезными лицами-утесами. Там Морис и Синтия любили друг друга.

Дни казались холодными и злыми, но вечера вытягивали с моря на сушу магию, длились и бередили местность, пока она не открывалась нашим снам.

* * *

Он охренеть как любил ее руки. В узкой кровати в коттедже они шептались и бурились ко дну ночи, а потом лежали на дне, ошалелые и счастливые.

Снова ведем себя как свиньи, говорила она.

* * *

Еще ему нравилось, что их дом высоко. Издалека видно, кто приближается к ним по дороге. То, что там не было телефона, тоже идеально. Матери он звонил из паба в Маам-Кросс и говорил, что они в Барселоне.

Кажись, у вас там оживленно, отвечала она.

Устроенная через Кариму поставка принесла ему сто семь тысяч ирландских фунтов. Равная доля отошла Чарли Редмонду. Синтия звонила из паба в Маам-Кросс отцу, говорила, что они в Лондоне и ненадолго собираются в Индию.

Мне кажется, тебе стоит позвать к телефону Мориса, сказал отец, и она повесила трубку.

Из паба в Маам-Кросс Морис звонил и Чарли, который рассказал, что погода на юге изменчивая. Пока лучше не высовываться.

Морис страдал от ночной потливости, ускоренного сердцебиения, припадков бреда. Она склонялась над ним в кровати, успокаивала, говорила, что любит его. Он рассказал ей, что однажды, еще в молодости, его отцу в Берхэвене стало так плохо, что его пришлось привязать к кровати.

Это просто страх, говорила она.

Страх превратиться в наших родителей, говорила она, вот из-за чего мы превращаемся в наших долбанных родителей.

Она не ошибалась: это разум формирует тело.

* * *

А потом на какое-то время они поддались безмолвию местности. И в будущем всегда станут называть это лучшим временем в их жизни. Когда у нас была гора и когда у нас была вода.

Пусть это будет сонное время, сказала она и медленно повернулась к нему белой ляжкой.

Она говорила, что деньги нельзя оставлять просто деньгами. Деньги должны работать. По вечерам оба учились водить — пока дневные часы сопротивлялись наступающей тьме.

Зажигание, сцепление, тормоз, говорил он.

Я же не совсем дура, говорила она.

Канавы в вечернем свете пели — птицы. Она ехала на тридцати километрах в час по проселку у Маам-Кросс. Из канав вспархивали пташки.

Слышал кукушку?

Ты за дорогой следи, Син. А то в поле уедем.

За рулем она была прекрасна — на лбу корчились черви концентрации. Она говорила, что самое важное — держаться как можно дальше от Чарли Редмонда.

* * *

По средам он завозил арендную плату Макганну в Клифден. Макганн был как из какой-то старинной истории — сельский аукционист с рыльцем в шерри. Вечно озадачивал жильца вопросами.

На острове все спокойно, Морис? На озере?

Тишь да гладь, мистер Макганн.

Ты вот что, ты за островом приглядывай. Он еще может преподнести тебе сюрприз. Однажды ночью.

С этим странным стариком они говорили о дожде и море, промысловых судах, тощих почвах в округе. Говорили о домах и цене на землю.

Самое время покупать, говорил Макганн.

Мне? Дома?

А что тебе еще делать с деньгами?

* * *

Когда бы Морис ни бросал взгляд на озеро, он знал, что на острове закопаны тела. Может, не в ближайшем прошлом. На «фиесте» же они смелели быстрыми темпами. По ночам в постели она заговорила о городах, жизни, людях. Они были слишком молоды для долины Маам. Идиллия подходила к концу, и, когда наступил май, он купил коттедж у Джона Джеймса Макганна за сорок тысяч фунтов. К концу месяца они сдали коттедж на все лето и переехали в Барселону.

* * *

Трахались они неистово. Она плевалась, кусалась и ругалась. Он нес какую-то гребанутую херню. Полоса синего-синего неба в прогале между шторами; его рука между ее ног. Пики и хлюпы, нежные глотки друг от друга, и нам целый день нечего делать, Синтия, да ничего делать и не надо.

* * *

Днем они гуляли по Барри-Готик. На древних узких улицах горбились горгульи, шептались фонтаны. Они примеряли одежду в стильных бутиках. Слушали хаус на кассетах из Корка и The Pixies — но только три первых лонг-плея. Поставку, которая вышла из Сеуты,

приняли в ясную ночь в Айрис на побережье полуострова Беара, что принесло еще восемьдесят тысяч фунтов. Синтия спрашивала, можно ли лишить Чарли доли.

В дождливый день в конце пассажа на улице Портаферриса они набили себе татуировки — каждый сделал маленькое число 13 над левой грудью.

* * *

За цинковой стойкой бара, известного своими анчоусами, на Пласа-де-ла-Вилья-де-Грасия, в районе Грасия, Морис больше часа тихо говорил за маленькими стаканами пива «Эстрелла Дамм», пытаясь успокоить нервы Чарли Редмонда, который два дня назад в Дептфорде убил человека.

Проблемы меня сами находят, говорил Чарли, и шальная слеза скатилась по его сентиментальной щеке. Я их не ищу, Морис. Они сами стучатся в дверь. Проблемы. С жирной наглой рожей.

Здесь с тобой пока что все будет в порядке.

В порядке? Это ты, блин, не видел, что я оставил на полу в туалете на Барфлер-лейн.

Плечи Чарли нахохлились от несправедливости. Синтия не хотела, чтобы он приближался к ним и на тысячу миль.

Можем пристроить тебя в Малаге, сказал Морис.

Уже меня гонишь?

Снаружи на площади сидел мальчишка-оборванец с флейтой и старым псом на поводке, и, пока мальчишка фальшиво играл на флейте и что-то напевал своему старому больному псу, пока поднимались к небу ломаные ноты, Морис поднялся из себя и увидел всю сцену сверху: площадь перенимала темные оттенки вечера — тихие и бархатные тона, — и по ней быстро шла Синтия.

Она вошла в кафе — и он снова оказался в своем теле. Она обняла Чарли и поцеловала в щеку. Сделала через его плечо Морису страшные глаза — сплавь его отсюда нахрен. Но безопаснее было держать Чарли Редя поблизости.

* * *

В неторопливые вечерние часы улицы Грасии почти опустели. Он позвонил матери из таксофона на площади.

Тебя кто-то искал, Мосс, сказала она. Причем самый мутный молодчик из всех, кто только напяливал костюм.

Костюм?

При полном параде, сказала она. Пришел весь такой.

Он понял, что мать знает все.

Я ничего не сказала, Морис. Стояла и разыгрывала дуру. А наш субчик — он только глянул на меня, с улыбочкой такой, да говорит... «Он все еще в Испании, миссис?»

Синтия сказала: когда мы отсюда уедем, то купим бар. Будем получать процент.

На следующий день он внес первый взнос за бар в Эшампле. Они знали, что город поднимется. Гуляли по нему по вечерам. Держались подальше от Барри-Хинес, потому что там из каждого подъезда пел героин. Наняли мазохистку из Сиджеса по имени Лаура, чтобы занималась баром по вечерам. Она привлекала клиентуру — других мазохистов, и скоро барыши удвоились.

Но что нам самим делать, Морис?

Ну что. Вечный вопрос.

В смысле, кто мы, нахрен, такие?

О, у нас очень древняя профессия, сказал он. Мы торговцы.

* * *

Округа Страуд-Грин. Кости Лондона. Свет слабый и извиняющийся. Дилли в детской качалке — жутковато молчаливая, с широкими глазами. Синтия отошла на часок прогуляться. Перед домом весь день простоял белый фургон. Эльф в качалке удостоил полуулыбкой — сердцеедка ты моя. Морис смолил в окошко косяк. Сейчас Чарли Редмонд скрывался в долине Маам. Все пошло коту под хвост. Кроме денег — потому что деньги по-прежнему были баснословные.

И вот она приходит с улицы, с вытянутым лицом. В последнее время ее было все сложнее понять. Их обоих прибило зимой.

Она взяла у него косяк. Мрачно затянулась. Пришла с холодом дня на щеках. Февраль — у кого ни спроси, богомерзкий месяц. После родов она отоцала. Ему хотелось обратно в Испанию. Лондон — серый, как голуби, серый, как пепел с окурков, грязный, как кладбище. Большой страх, тяжелое молчание — не из-за наркотиков ли на ранней стадии беременности ребенок теперь таракится на них из качалки, как гребаный зомби?

А еще грозитя приехать его мать. Хоть под самосвал бросайся. Глухой гром вечерних поездов. Лицо Синтии — есть там вообще что понимать? «Что сейчас, что дальше?» Она устала и зачихала; нервы раздергало. Они разделили между собой дурь.

На дороге фургон, Морис.

Белый?

Он был там час назад и стоит до сих пор. В нем двое. Здоровые гондоны.

Он покачал головой и взял ребенка на руки — Дилли брыкнула ножками, как электрическими разрядами, насколько ей позволила пижамка Babygro.

Фигня.

Там двое. В фургоне. На гребаной дороге, Морис.

И скоро опять стемнеет — против февральского вечера во всех клетках на улицах загорался свет.

Думаешь, они так открыто о себе заявят?

Синтия выпустила густой зеленоватый дым в щель окна.

Я ебу?

Он встал на диван, чтобы выглянуть на дорогу. Ребенок все еще гугукал на руках. Он — как лис с носом по ветру. Надо защищать щенят.

Сразу перед таксопарком, сказала она.

Прогуляться мимо?

Даже не думай соваться в эту гребаную дверь, Морис.

Она заперла дверь на все замки. Он снова посадил ребенка в качалку. Лизнул бумажку для косяка.

Может, газовые счетчики в районе проверяют, сказал он. Может, телевизоры настраивают.

Какие еще, нахрен, счетчики?

Может, из управы Харинги.

Большую часть дня и ночи на улице было тихо. И то ли угрюмая, то ли настроженная атмосфера. Дочка тихо

заплакала. Он снова взял ее, отнес на кухню, включил кран. Посмотрел на длинный задний сад, уходивший до крутой насыпи, до железной дороги. В поле зрения прогрохотал поезд. В вечернем дожде подсвечивались немые лица в вагонах. Как же тогда по ночам кричали лисы. Всклипы Дилли затихли, текущая вода из крана кружилась у слива. Дочка молча и удовлетворенно подергивалась в его руках.

Они вышли из фургона, Морис!

И оба — с большущими испанскими бошками.

Плечи — шириной с Мадрид.

Оба прислонились к фургону и страстно закурили — на дом они поглядывали спокойно.

Морис тепло укутал дочку.

Синтия бросала вещи в сумку — кошельки, карточки.

Они ушли через заднюю дверь — тихо прятались в холодном безжизненном февральском саду.

Ночь уже опускалась.

Они прятались, пока окончательно не стемнело.

Пробрались по насыпи к путям.

В ужасе шли по подветренной стороне насыпи.

Под ногами плыл гравий.

Шуршали мелкие млекопитающие.

Ночь в Харинги, Крауч-Энде, Страуд-Грине.

Молча дышала огромная пасть Финсбери-парка.

Пулсировала вена-магистраль Севен-Систерс.

Они провели бессонную ночь в гестхаусе в Крауч-Энде. Ночь тянулась медленно, как десять лет. Морис чувствовал себя старым как никогда, но да, рядом была Дилли — молчаливая, прекрасная — и да, сомнений нет, он в нее влюблен. Пришло время возвращаться в Ирландию.

Морские скалы; соленый ветер; дом.

* * *

С холмов над Берхэвеном казалось, что порт под апрельским солнцем порезан ножами холодной синевы. Дилли нестройно напевала и следила глазами за ранней бабочкой — беловато-желтым миганием, легким, как ее дыхание. Кожа у Дилли была нежная и бледная, как пепел, и прораб Мерфи смотрел на ребенка с улыбкой.

Вся где-то в своем мире, сказал он.

И не говори, сказал Морис.

Липкая ручка ребенка в его руке. Морис осторожно потер большим пальцем ее скользкую ладошку — это почему-то успокаивало. Они втроем шли по сырým акрам

участка. Участок находился на плато, среди каменистых холмов над городом. В одном его конце стоял странный курган с кустарниками. Их строительный проект — дома в форме полумесяца. Полумесяц построят так, чтобы сдерживать ветер с запада.

Можно будет посадить сзади деревья? спросил Морис.

Ну, сказал Мерфи.

Что, совсем ничего не приживется?

Да тут скала, а не почва, сказал Мерфи. Если что красивое, то ни хрена не приживется.

Ну хотя бы вид. Морис поднял дочку на руки и закричал из-за ее веса. Сказать по правде, в три с половиной года она весила как пикси. Он показал ей юг, открытый мир.

Вот это вид, да, Дилл?

Провел ее взгляд по крышам города, над мачтами и щетиной гавани, до острова Бер.

«Терраса с видом на гавань»? предложил Моррис.

«Вид на гавань»? сказал Мерфи.

Или что-то более ирландское?

Мысль, согласился Мерфи.

Как ты смотришь на ирландское название, Дилли?

Девочка застенчиво улыбнулась.

Что-нибудь с croí, сказал Морис. Croí — это же сердце?

Croí briste, сказал Мерфи, и они рассмеялись.

Хребет Разбитых Сердец, сказал Морис. Ну точно, особенно с этим долбаным ветром.

Мерфи грустно пнул землю.

Я так тебе скажу, сказал он. Мое croí будет охренительно briste, когда я начну рыть здесь котлован.

Когда начнем?

Есть пара нюансов.

Например?

Он пожалел, что спросил. Ответ касался круглого кургана, кустов боярышника. Морис застегнул молнию на анораке Дилли до горла — от ветра. Погладил по холодной щеке пальцами. На ее губах застыла точная копия хмурости ее матери. Все черты уже на месте.

Их же тут всех в море унесет, Дилл, сказал он, если мы не посадим хоть пару деревьев.

Прораб Мерфи как будто принял это на свой счет. Его лицо потемнело; он угрюмо разглядывал свои ботинки «Катерпиллер».

Это запад Ирландии, сказал он. Тут, сука, существует некая тенденция к ветру.

* * *

Он гулял с Дилли по площади в Берхэвене. В доке купил палтуса и несколько гребешков-квини, пригоршню серпника. Пообещал дочке: больше никакой скумбрии. Она разулыбалась.

Пойдем что-нибудь выпьем, Дилл? Поищем маму.

Дома его ждала доза, но оставался еще час. Можно и смешать. Паб поутру был забит до отказа. Чего удивляться, что страна скатилась туда, куда скатилась. Ранее в порт заполз траулер, забитый осьминогами. Команда заливала zenки в баре «Уэст-Энд». Жрали ящиками «Корону», наливались «Ред Буллом» с водкой, ходили на бровях — при этом неловко падая от морской болезни. Страстной четверг. Последний год столетия. Морис усадил Дилли на высокий стул и налил ей оранжевую водицу со льдом.

Мама сожрет меня за эту фанту, сказал он.

Пара выкинутых на берег испанцев, уныло попивавших из бутылок с длинным горлышком, превращала «Уэст-Энд» в мрачную *serveseía*¹⁹. Наверно, галисийцы. У них

¹⁹ Пивная (*исп.*).

там все очень по-ирландски. Меланхолия и все прочее. Рыжие. Последний раз, когда Мориса туда занесло, он чуть не отправился топиться в Бискайский залив. В это время года в Берхэвене часто стояла испанская атмосфера.

Перед глазами выросла барменша с блестящим пирсингом на губе и наклонилась через стойку к Морису.

Как у вас там наверху? спросила она.

Высший класс, ответил он.

Он почувствовал укол влечения, но это пройдет. Синтия пришла незаметно, как слух. Ее глаза потеплели от дозы. Она поцеловала дочку в макушку, но была встречена угрюмым удивлением. Они жили на отшибе от остальных. Уже появились вопросы: это вы, что ли, там дома строите? и что, прям одобрили?

С нашим местом что-то не так? спросила Синтия.

В смысле?

Что не так с нашей гребаной стройкой, Морис?

Там ветрено. Это же полуостров.

Испанцы нахохлились с религиозным видом. Словно призывали Младенца. Ловцы осьминогов галдели и мерзели. Эротически хватали друг друга. Дергали за резинки трусов. За жалюзи виднелась тонкая горизонталь городской площади. Подъехал чей-то парадный

внедорожник и изрыгнул жирных детишек. Вот такие мелкие спиногрызы и сожрали страну заживо. Рядом с Морисом втиснулся старик, пропахший полями и чистящим средством.

Только русские, сказал он.

Не понял?

Только сраные русские опускаются ниже нас, когда разживаются деньгами, сказал он.

Освещение в пабе было коричневато-золотым и всепрощающим. Синтия в нем выглядела мило, а ребенок — великолепно.

Кости теперь так ноют, сказал старик, что я уже мажусь какой-то хренью для лошадей. Как у вас там дела с местом на холмах?

Не жалуемся, сказала Синтия.

Пока только начало, сказал Морис.

Сколько домов?

Еще думаем, сказала Синтия.

Будем держать вас в курсе, сказал Морис.

Зависимость пустила корни. Скоро Морису потребуется облегчить боль дня. Он установил себе точный график.

Он ширнется в задней спальне в час или в десять минут второго. Синтия уже раскумарилась. Они договорились о расписании и подогнали его под ребенка.

* * *

Они сняли дом без мебелировки в складке гор Каха. Смотрели, как по лунному ландшафту полуострова движется ночь. Дилли ворочалась горячим комочком в задней комнате и невразумительно бормотала сквозь сон. Синтия и Морис сидели на креслах у голой каминной решетки. Воздух сегодня был неподвижен, прохладен. Они пили испанское вино и курили чарас²⁰. До утра никакого героина. Есть такая штука — дисциплина. Она снова допытывалась о стройке, и он наконец сознался.

В народе ходит какая-то шняга, сказал Морис, насчет того, что там стоит форт фейри.

Она взболтнула в бокале чернильную риоху. Они улыбнулись друг другу.

Помнишь такой типа курган в дальнем конце? спросил он.

Помню, ага, сказала она.

Круглый пригорок, повсюду заросли боярышника — когда там играла их дочка, у нее всегда был вид не от мира сего.

²⁰ Наркотическая смола конопли; термин часто считается синонимом гашиша.

А ты об этом помалкивал.

Ну это же хрень, Синтия.

Это Мерфи рассказывает?

Он говорит, некоторые его ребята отказываются там работать. По крайней мере, каменщики.

И когда ты собирался мне рассказать?

Да это ж чушь.

Люди отказываются строить дома на участке, за который мы выложили четыреста восемьдесят пять тысяч фунтов, потому что думают, будто там форт фейри. И тебе казалось, говорить тут не о чем?

Форт фейри — это громко сказано, сказал Морис. Просто типичные здешние суеверия. О местах. Вот и этот курган на дальнем конце. Оказывается, у него есть все характеристики форта фейри.

И с каких это гребаных пор, Морис, ты в курсе характеристик форта фейри?

Есть такая штука — интернет называется, блин, сказал он.

Проверка показала, что Дилли спит крепко. Они включили интернет — модем придушенно попищал и наконец подсоединился. Они пили риюху и изучали картинки с фортами фейри.

Это вроде бы отдаленно...

Это ровно то, за что мы отвалили пятьсот штук.

Четыреста восемьдесят пять, сказал он.

Нехорошо раскапывать апокрифы. У строителей, которые всего лишь расчищали кусты на таких стройплощадках, бывали внезапные инфаркты, злокачественные опухоли. Из-за этого меняли планы прокладки шоссе.

Они принялись за виски. Цена действительно оказалась щедрой — за вид на гавань и горы относительно площади участка. Они раскурили от камина пару косяков, стали пить вискарь и обсуждать то, что прочитали; говорили о ратах, фортах и лиозаннах²¹. Эти странные слова они вспоминали со странным очарованием.

* * *

Теперь их захватила мысль, что на них навели порчу. От этой мысли они защищались героином. Все отмеренные дозы, благодаря которым прежние привычки казались образцами благородной умеренности, пошли на фиг. Теперь они гасились неистово. И повсюду вдруг проявилась аура порчи. Гудела вокруг, как нервная деревня. Скалистые холмы рассказывали слухи о порче. Ветер взвевал слухи поземкой у ног. Порча, порча — мысль лелеяла себя, жирела, созревала. Борясь с мыслью о порче, они стали принимать героин в мозговыносящих количествах. Бухали «Пауэрс»,

²¹ Rath, liosanna — форты фейри (*ирл.*).

«Джон Джеймисон» — завтракали бутылкой и закусывали с зеркала. Ребенка с тем же успехом могли воспитывать кошки, которые лениво грелись на апрельском солнце, с неохотой перебивавшимся через крыши Берхэвена. Стройка была катастрофой с самого начала. Парень из Снима — поперек себя шире — сломал ногу в первый же день работ. Сплетни о несчастном случае пронеслись по базарным бабам Берхэвена, как гребаный пожар. А на стройплощадке, продуваемой всеми ветрами, тем утром царили фатализм, раздрай и мрачная интроспекция. Второй день — какой-то гребаный полудурок с перфоратором чуть не отхерачил себе женилку. Пятый день — у тридцатидвухлетнего мужика с Гленгаррифа случился удар, пока тот замешивал песок со щебнем. Прораб Мерфи уже с трудом удерживал людей на работе, впал в депрессию и долгими вечерами бухал в баре «Уэст-Энд». Морис по утрам вторника ездил в Корк встречать первый дублинский поезд, поставивший их недельный запас героина. На десятое утро стройки — в пятницу — они поняли, что недельный запас нехило разбодяжили, и, когда из Испании позвонил Чарли Редмонд и сказал, что скоростной катер с полутонной марокканского гашиша взяла Guardia Civil²², как только он вошел в Ла-Линеа-де-ла-Консепсьон, устроили бучу. Порча, порча. Судя по всему, за катером следили еще с Сеуты, но что теперь поделаешь? Чарли Редмонд вовсю разыгрывал блаженную беспечность, для которой Морис Хирн был ни разу не в настроении. Рыть землю под фундамент в каменистых холмах над Берхэвеном оказалось дьявольским трудом. Скалы опасно кричали и ныли, когда их сверлили. Плакали дети

²² Гражданская гвардия Испании.

скал. Мы наследили там, где не имеем на это права. Мы за это ответим. Порча, порча. Морис стал задаваться вопросом, не запала ли Синтия на прораба Мерфи — красивого плечистого неотесанного ублюдка, но с нежными чертами для дамочек — а черная депрессия, возможно, только придавала ему поэтический вид. Морис в одиночестве ездил вокруг площадки, смотрел на стройку и скорбно мастурбировал на мысли о девчонке, которая работала в дневную в «Уэст-Энде». Они с Синтией замешали бодяжный героин с кокаином, сделали спидболы, ширнулись и потрахались, а потом посрались. Порча, порча. Мимо стройплощадки ежедневно проезжали гарды²³ с заинтересованными улыбочками. На первое утро третьей недели, когда траншея фундамента подбралась к кургану фейри, начал обильно плевать кровью очередной рабочий, и с тех пор его не видели. Теперь половина строителей на площадке была из испанских рыбаков, которых высадили с траулеров, — совершенно бесполезных, обессиленных погодой. Наступил мокрый апрель, и от морской сырости стало очень холодно, и Морис Хирн начал слышать в ночи древние голоса. Но Морис с Синтией уперлись рогом. Есть такая штука — твердолобость. На холме таки стали пробиваться дома — полумесяц из девяти корпусов под названием Ard na Croí²⁴. В нескольких милях от побережья задержали груз кокаина на два миллиона фунтов, и Мориса вызвали на допрос. Это был вечер среды. Скоро стало очевидно, что он ничего не знает. Когда он выходил из участка, следак сказал: не запись завтра, Мосс, вставай пораньше и лови свой дублинский поезд.

²³ Ирландская полиция.

²⁴ Гора сердца (*ирл.*).

Морису снова захотелось уехать, но теперь он тут врос. Долбаная Ирландия. Ее скалящиеся черти. Ее говорящие скалы. Ее проклятые поля. Ее память моря. Ее дикость и раздоры. Ее неотвязчивая меланхолия. И как все это смыкается вокруг тебя.

